

**СО-БЫТИЕ (В) МЫСЛИ:
ОПЫТ ПОНИМАНИЯ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА**

(Рец. на кн.: Грякалов А. А. Василий Розанов. –
СПб. : Наука, 2017. – 287 с.)

Е. Н. Ищенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2018 г.

Вышедшая в свет в 2017 г. книга известного философа Алексея Грякалова знаменует собой новый сюжет развития отечественной мысли, о необходимости которого так много и, как кажется, нестерпимо долго писали многие авторы. Возвращение существовавших в иных смысловых мирах, проникших в иные традиции текстов и опыта русской философии конца XIX – начала XX в. потребовало нетривиальных герменевтических усилий. Однако многотрудный и плодотворный этап освоения и усвоения, интерпретации и комментирования философского наследия «золотого века» русской философии «здесь и сейчас» действительно взыскует не просто продолжения, но творческого разрыва, необходимого для при-своения и о-плодо-творения традиции. Надо сказать, уже с самого начала автор книги довольно отчетливо дает понять, что не намерен открывать новое в судьбе и творчестве Василия Розанова в фактологическом ракурсе. В самом деле, сегодня имя Розанова уже не относится к числу «забытых» имен, оно, как говорится, «на слуху». Розанова довольно часто – к месту и не к месту – цитируют, используя его афористический дар как острую приправу к пресноватым интеллектуальным блюдам. Как точно замечает А. Грякалов, «благодаря усилиям исследователей жизни и творчества В. В. Розанова судьба писателя-мыслителя сегодня может казаться почти прозрачной. Более того, некоторые критики будто бы уже всегда знали, что героя-автора ждет в конце» [1, с. 39].

В таком случае возникает закономерный вопрос: не вводит ли в заблуждение выглядящее довольно «простым» название книги – «Василий Розанов»? Ведь современному читателю, воспитанному на спойлерах, хочется изначальных подсказок, расшифровок, обозначений. В такой принципиальной простоте именованья, как нам представляется, заключен особый смысл. Автор ставит Розанова в центр композиции, задавая тем самым изначальный фокус пристального рассмотрения/рассматривания, предполагающий и дальний, и средний, и ближний планы. Если понимать жанр предельно широко, то книга ближе всего к сценарию кинофильма, в котором отражены не только реплики героя, но дана раскадровка, монтажные планы, ракурсы сцен, в коих он представлен.

Парадоксальность бытования розановского наследия в современном контексте является отправной точкой работы А. Грякалова. Ведь фигура

Василия Розанова представлена в нем скорее абрисом, нежели полноценным персонажем. Она остается по-прежнему «За занавесочкой» (это его чудесное выражение часто – и с видимым удовольствием – цитируется автором книги). Но задача вовсе не в том, чтобы, наконец, сорвать пресловутый покров, «сниженный» ироническим восклицанием Розанова. Автор предлагает особый способ работы, сохраняющий полноту дробного, импрессионистического, фрагментарного смыслового мира розановской мысли, часто ускользающей от прямого называния, с ее нарочитой маскировкой, почти трикстерством. Собственно говоря, именно в этой живости, подвижности, внешнем оборотничестве стоит искать причину произвольности интерпретаций Розанова. Маятник истолкований его сочинений на наших глазах прошел все реперные точки, расположенные между «да» и «нет». Слишком либеральным для консерваторов и чересчур консервативным для либералов предстает Розанов в тех исследованиях, где за красотой словесной выделки не видят изначальной трагедийности житейского существования, его сложности и принципиальной нерасчленимости на -измы.

Между тем любому интерпретатору сложно избавиться от сверхзадачи, сформулированной еще Ф. Шлейермахером: «Понять автора лучше, чем он сам себя понимал». На этом многотрудном пути философа, размышляющего о творчестве другого философа, подстерегает серьезное искушение видеть в высказанных прежде идеях неслыханные, непроявленные пророчества. Не избегает такой ловушки и автор, но, тем не менее, высвобождается из нее, прибегая к выявлению *истока* розановской мысли, превращенного в изначальность формирования пророчества. «Розанов *диагностически предупреждая* (курсив наш. – Е. И.) людей XX–XXI вв. о возможных гонениях, высылках, гибридных войнах, – пишет Алексей Грякалов, – где будут с трагическими последствиями задействованы вопросы *расы, крови, веры, власти, насилия* и взыскуемой на этом фоне трудно определяемой *свободы*» [1, с. 33]. В другом месте находим: «То, что названо “циническим разумом”, всепроникающим “диффузным цинизмом” (Петер Слотердайк) *пришпилено* Розановым к странице нигилистического гербария уже у истоков формирования» [там же, с. 41]. Предчувствия, идущие рука об руку с рациональным осмыслением, в самом деле, являются таким же неотъемлемым свойством личности Розанова, как и его неповторимый авторский почерк. Грякалов отмечает: «В своем последнем по написанию сочинении “Апокалипсис нашего времени” Розанов актуализировал понятие *временности*, предугадывая разговоры о *конце истории, смерти автора, ситуации постмодерна*» [там же, с. 199]. Но всё же дело не только – и не столько – в пророческом даре розановского мировидения и мироисследования. Невероятно точной представляется мысль автора, выраженная им так: «...на творчество Розанова нужно взглянуть не только во времени прошлого, настоящего и возможного будущего, но найти принципиально уместную точку *сборки* смыслов – то *место мест*, где идеи живут в актуальной наполненно-

сти и утверждающей силе» [там же, с. 38]. Именно встреча в этом «месте мест» двух философов и являет собой предлагаемая читателю книга.

Можно сказать, что Розанов является для автора концептуальным персонажем, диалог с которым позволяет запустить процесс со-творения смыслов. Мысль Розанова становится строительными лесами для возведения смыслового микрокосма, способного преодолеть хаос и фрагментацию «постмодернистского релятивизма». «Речь не о том, чтобы модернизировать позиции Розанова, – выдающиеся идеи, как известно, проходят невредимо среди множества интерпретаций. Необходимо – *по возможности* – подняться над преходящими реалиями, значимыми в *том* и *этом* времени, чтобы выявить архитектонику мысли» [там же, с. 157]. Неслучайно работа Розанова «О понимании» рассматривается автором так подробно. Понимание философа и того, к кому он обращается, должны сойтись, соединиться. Иначе все напряженные усилия окажутся растраченными впустую. Автор пишет: «Писатель-мыслитель пребывал в ситуации *выбора* – жизнь, историю и собственную *авто-био-графию* выводил на свет в письме. *Настроенность* творческого ландшафта Розанова совершалась в архитектонике изначально определенного *понимания*» [там же, с. 254].

«Рефлексия неопределенности» становится для Грякалова оселком, на котором испытываются наиболее важные, драгоценные интуиции Розанова. Розанов, любивший завуалированность и красоту риторических фигур, временами выражается исключительно прямо, с хирургической жесткостью. Например, в том случае, когда пишет о необходимом выводе из своих рассуждений о неопределенности и случайности. «...Переход потенциального бытия в реальное, – пишет Розанов, – есть вообще дело случая, так как зависит от случайной встречи потенции с сочетанием определенных условий, необходимых для такого перехода? Если последнее предположение справедливо, то существование всего видимого мира тогда необходимо должно будет признаться произведением случая» [2, с. 44]. Мучительный вопрос, сформулированный Розановым, получает ответ автора книги: «...случай у Розанова вовсе не самозванец в порядке понимания: случай дает возможность состояться реальному бытию...» [1, с. 58].

Обсуждая и осмысливая книгу А. Грякалова, невозможно не сказать об удивительной согласованности, соразмерности авторской манеры изложения языку розановских текстов. Автор следует за Розановым в поисках точной «смысловой оформленности» открытий, представляющихся ему принципиально важными. Это отнюдь не означает стилизации, но предполагает трепетное отношение не только к тому, *что* сказано, но и к тому, *как* сказано. Читателю временами отчетливо слышатся *интонации*, предъясняется *произносимость* написанного. Автор пишет о работе, которая от исследователя требует особенного *вживания*, *вчувствования* в текст в полном соответствии с заветами классической герменевтики. «Нужно “вчитать” себя в тексты культуры и философии, а их поверить собственным переживанием, разместить текст в жизненном окоёме» [там

же, с. 67–68]. Понять Розанова без сильного, эмоционального, жизненно-го посыла невозможно. Первичность переживания, которую автор считает истоком и основанием «импрессионизма Розанова», распространяется в сферу читательского восприятия.

Пройдя между Сциллой и Харибдой – преклонением и разоблачением, – автор ставил перед собой задачу «событийствовать в мысли». Книга завершается приложением, в котором содержатся выдержки из «Уединенного» и «Апокалипсиса нашего времени» Розанова. Отважный ход автора, позволяющий «калибровать» взгляд и слух читателя, яркий финальный аккорд показывает, что намерение вполне реализовалось. Из трудного, но невероятно увлекательного путешествия по дороге со-бытийствования каждый читатель выйдет со своими открытиями-трофеями. Но опыт понимания, приобретенный на этом пути, послужит единению, восстановлению прерванной традиции отечественного философствования.

Литература

1. Грякалов А. А. Василий Розанов / А. А. Грякалов. – СПб. : Наука, 2017. – 287 с.
2. Розанов В. В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / В. В. Розанов ; подгот. текста и коммент. В. Г. Сукача. – М. : Танаис, 1996. – 802 с.

Воронежский государственный университет

Ищенко Е. Н., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания

E-mail: ischenko@phipsy.vsu.ru

Тел.: 8(473) 255-08-57

Voronezh State University

Ishchenko E. N., Doctor of Philosophy, Professor of the Ontology and Epistemology Department

E-mail: ischenko@phipsy.vsu.ru

Tel.: 8(473) 255-08-57